

Петров Александр

17.7.92

Александр ПЕТРОВ, аниматор:

Замахнуться на большой фильм

Единственному российскому мультипликатору-оскароносцу Александру ПЕТРОВУ, получившему в прошлом году самую громкую кинематографическую награду за полнометражный анимационный фильм «Старик и море», исполняется сегодня 45 лет. Корреспондент «Известий» Елена ЯКОВЛЕВА расспросила режиссера о его планах и выяснила, что на родине, в Ярославле, у Петрова проблемы с мастерской, а деньги на новую работу ему пока только обещают.

— Что-нибудь изменилось в вашей жизни после «Оскара»?

— Мне пообещали помещение и помощь в организации студии. Но все движется гораздо медленнее, чем хотелось бы. Помещение

мы, правда, получили — на бывшей киностудии «Чайка»: студия умерла, а площади отдали нам. Но у нас не хватает оборудования, людей, и, прежде чем начать снимать кино, надо сделать ремонт.

— То есть мастерская есть, а работать нельзя?

— Я все равно пытаюсь работать, делаю какие-то мелочи: заставки, рекламки — от случая к случаю. Но замахнуться на большой фильм боюсь. Министерство культуры и Госкино обещали мне поддержку с финансированием будущего проекта. Есть интерес и у наших частных продюсеров. Канадцы тоже хотят участвовать. Но ни одной копейки я еще не видел. К сожалению, я не тот человек, который умеет выко-

Остатки цыганского лагеря после

Саратовской области милиционеры не обвиняют цыган во всех криминальных грехах. Здесь, рассказывает собкор «Известий» Су-санна ОГАНЕЗОВА, издавна существует «Воруй-город». Такое название частному сектору, заселенному в основном цыганами, придумали местные жители. Но сегодня этот микрорайон не оправдывает своего названия.

У нас не было поводов для

Александр ПЕТРОВ, аниматор:

Замахнуться на большой фильм я боюсь

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Что сейчас происходит в российской анимации?

— Не хочу никого обидеть, но у меня такое впечатление, что нет всплесков новых идей, как в 70-х, например. Я, правда, отношусь к более позднему поколению, самостоятельно начал работать в начале 80-х и только к середине почувствовал: да, я художник со своей физиономией. Это приходит, когда решаешься на такое, что до тебя никто не делал. В этот момент осознаешь, что ты отдельное существо, а не винтик в технологическом или культурном процессе. Переставешь озиаться, подражать, пытаться понравиться. Со мною это случилось, когда мы с Владимиром Петкивичем делали фильм «Ночь» в 1984 году.

— А дальше — счастье?

— Когда идет обычная работа, решаешь конкретные задачи — как нарисовать, как смонтировать, — то просто счастлив. А все остальное — страшные муки. Когда я решаюсь делать фильм, у меня в голове полный туман, не могу даже сказать, ради чего я все это затеваю. На-

ступает почти отчаяние, паника. И с годами это не проходит: всегда повторяется одна и та же история, даже с рекламным фильмом — может, чуть в меньшей степени. Превозможешь это — дальше все само собой покатится. Но если бы это длилось все время работы, можно было бы повеситься.

— Вам не хотелось переехать в Москву, особенно после Оскара?

— Нет. Я в Москве жил 8 лет, пока учился во ВГИКе и на режиссерских курсах, но оставаться там навсегда... Не могу сказать, что Ярославля мне достаточно. Конечно, немножко не хватает среды. Но я сам виноват, не возобновил какие-то старые дружбы, не ищу новые. Варюсь в своем собственном соку. А родился я в поселке Пречистом, между Ярославлем и Вологдой. Там у меня прошли «самые-самые» детские годы. Я и сейчас время от времени туда наезжаю. Вот буквально неделю назад справляли день рождения моей бабушки Анны Петровны, ей 100 лет стукнуло. Она, между прочим, в здравом уме и твердой памяти. Дает нам советы, как жить.